

Наталья ФИЛАТОВА

Италия

Мой брат, Виктор Пулькин

Своего брата Виктора Ивановича Пулькина, ставшего впоследствии писателем и фольклористом, публицистом, художником-иллюстратором, я помню со своего раннего возраста. Он был старше меня на десять лет, поэтому первые впечатления сложились как о подростке: энергичном, веселом, умном. Уже тогда я знала, что мой брат (впрочем, как и сестра, помладше его на четыре года) – отличник. Он и держался очень уверенно: этакий счастливчик-хохотун, умница-весельчак, юморист, любитель подвижных игр, рыбалки, исторической и приключенческой литературы. Кроме того, Витя очень хорошо рисовал.

Жизнь юноши была интересной, насыщенной. В силу большой разницы в возрасте, разных темпераментов, да и разного пола наши интересы в те годы очень мало пересекались, кроме, пожалуй, любви к книге, это у нас было семейное увлечение. Но тем не менее старший брат всегда был «предметом» моего пристального внимания. И он, и все, что его окружало, чем он увлекался. Его мир был особенный. Брат оказал большое, можно сказать, исключительное влияние на мои интересы. Самые яркие впечатления моего детского и раннего юного возраста связаны с ним. Кое-что известно мне по рассказам мамы и сестры.

О его творчестве, думаю, еще напишут немало: литературоведы, исследователи. Все, кто знал Виктора, отмечали его замечательные человеческие качества: порядочность, доброту, ум, огромные разносторонние знания. Его литературный дар, талант рассказчика, художника-графика неподражаемы. Но никто, кроме меня, не знает столько о его детстве, юности, когда формировался его характер, закладывались черты личности. Этот человек постоянно себя созидал, ибо был очень взыскателен и к себе, и к другим с моральной точки зрения. Несомненно, большую лепту в формирование этих его качеств сызмала внесла наша мама.

В дальнейшем Виктор широко развил то, что подарено было генами и воспитанием. Насмешливый, самолюбивый, порой грубоватый подросток на моих глазах превращался сначала в обаятельнейшего молодого человека, поражавшего талантами, а затем во все более зрелого, мудрого мужчину, маститого творца, уверенно проложившего свой собственный путь в литературе, приобретшего не громкую, не скандальную, но добрую славу. А это дорогого стоит...

Кораблик с алыми парусами

В чем обаяние игрушки, сделанной своими руками? Кто ее не получал, тому не понять. Но маленький, крепкий, устойчивый кораблик из коричневой сосновой коры, подаренный мне в четыре года моим 14-летним братом, буквально очаровал меня. Он был украшен несколькими мачтами с алыми легкими парусами, сделанными из гофрированной тонкой бумаги, из какой в те времена детвора любила вырезать и клеить цепочки на новогоднюю елку.

Мячики, кубики, резиновые фабричные игрушки, валявшиеся дома, были ничем по сравнению с этим чудоподарком, осветившим все мое детство. Даже в том возрасте я осознала преимущество дара, сделанного собственными руками, и поняла, что у меня есть замечательный старший брат, этот умелый мальчик, серьезно и немного тревожно наблюдающий за моей реакцией.

Впоследствии, года через два-три, Виктор наделал мне шашек и сабель, подарил пистолетов с пистонами. Он сызмальства был «оружейником» среди детвора, производил оружие со знанием дела, по старинным книгам. А морской кортик, уже покупной, довершил мой арсенал. Кортик, скорее всего, был данью памяти его любимому учителю истории С. И. Ястребову, в прошлом морскому офицеру. Морская тема красной нитью проходит и в творчестве В. И. Пулькина.

Дело происходило в Ленинградской области, сначала в Лужском, а затем в Гатчинском районе, где я жила до девяти лет. А в Кондопоге, куда мы переехали, мое «военное» воспитание завершилось тем, что, когда мне было лет 12, он принес из школы, где работал учителем рисования, мелкокалиберную винтовку и множество картонных коробок с плотно уложенными латунными патронами к «мелкашке».

Дома никого не было. Виктор выстрелил из мелкашки в деревянный цветочный горшок с чайной розой и велел мне попасть в след от пули. Я взяла винтовку, вынула гильзу, вставила патрон, тщательно прицелилась, как научил брат, и... почти це-

ликом отверстием от своей пули покрыла предыдущую дырочку. Впоследствии в разных ситуациях своим умением попадать в цель из любого оружия, в том числе игрового, я затмевала и профессиональных охотников, и бывших офицеров. Почему? Не знаю. Наверное, правильная выучка помогла.

Но вернемся назад, в мое раннее детство, проходившее в Наволоке Лужского района Ленинградской области. Поскольку наша мама была агрономом и работала от зари до зари, мое младен-

ческое воспитание было поручено няньке, которую скоро с позором изгнала моя сестра Майя, семи лет от роду: «Пеленок не стирает, а только сушит. Сама нянчить буду!» Учеба сестры в первом классе из-за ее порыва чуть не оказалась под угрозой, однако все обошлось.

Родилась я в конце октября, присматривали за мной брат и сестра. У нас была коза, так что кормить меня было чем. В конце августа, когда мне исполнилось 10 месяцев, мать, закончив большинство полевых и уборочных сельскохозяйственных работ и преисполнившись решимости выполнить материнский долг, утречком в выходной день вынула меня из кровати, поцеловала и растроганно произнесла:

– Ну, Ната уже большая у

нас. Скоро будем учить ее ходить...

Брат с сестрой удивленно переглянулись:

– А она ходит...

– Как ходит? Когда пошла?

– Давно уже. Мы ее научили.

Виктору было одиннадцать лет, Майе восемь. Сестра рассказывала смеясь, что на следующее лето мы всей троицей вместе путешествовали по округе. Коза – с нами. Подоят, покормят меня.

– Дома-то торчать неинтересно! – говорила Майя.

В том же Наволоке была у нас свинья. Ее тоже надо было кормить, что-то варить, а это хлопотно. Голодная животина начинала визжать. Витя каким-то образом выяснил, что свинья не прочь полакомиться лягушками. А их в старом пруду бывшей барской

усадыбы было... «пруд пруди». Витя утречком сбегает, ведро зачерпнет – и хрюшке в корыто. Та глотала их, что гурман устриц. А потом весь день – тишина, хавронья довольна, наелась надолго.

А с козой Виктор бодаться бегал: надевал на голову мамину плоскую меховую шапочку, какие тогда носили женщины под шальями, и... кто кого переупрямит. Козы у нас все были вредные, бодливые, я их боялась и пряталась. У Виктора характер был другой...

Со своим дружком любили они бороться на гимнастическом бревне на школьном стадионе: кто кого скинет. Этот стадион напротив нашего дома был любимым местом спортивных забав моего брата. Дома я его почти не видела, хотя садика не посещала. С утра он в школе, после школы прибежит, портфель оставит, покушает и исчезнет. Стадион, окрестности, озеро, где брат ловил рыбу даже руками, – все какие-то мальчишечьи дела. Всегда куда-то спешит, всегда ему весело. Прибегая, рассказывает смешные случаи про друзей, школу.

Иногда сажал меня на плечи и скакал по дому, изображая коня, моими ногами боксировал сестру, а я ужасно конфузилась.

Я не помню Виктора за выполнением домашних заданий, но дневники у него пестрели пятерками, не в ладах был лишь с математикой, тетради – заляденье. Писал он очень красивым почерком, когда я смотрела на эти ровные круглые красивые буквы, то всегда думала, что у человека с таким почерком всегда все хорошо.

Так ли это было? В разные моменты жизни Виктор прерывал свой счастливый полет, судьба и на него обрушивала удары. Он мрачнел, уходил в себя, переживал молча, думал. Но, как сказочный Феникс возрождается из пепла, так и Виктор обретал новые силы; уроки жизни не проходили для него даром.

Он был активен, я же по жизни очень пассивна, опаслива. В юности, чреватой соблазнами, предпочитала уединение. Виктор всерьез со мной беседовал. Говорил, что я не знаю жизни, предпочи-

тая книги, что надо пойти поработать на производство, получить закалку и т.д. Конечно, эти упреки очень ранили, казались несправедливыми. Но он был прав, это я поняла гораздо позднее.

В том же Наволоке запомнились еще несколько случаев редкого тесного общения со старшим братом, когда каким-то шестым чувством ребенок понимает, что хорошо, а что плохо.

В поисках радостей жизни мы как-то достали припрятанный мамой большой пакет с пиленым сахаром. Заглянули в него и обнаружили длинный нераспиленный на кусочки брусок, диво для детей. Брат, как старший, достал его и предложил сначала мне, малышке. Я отказалась: табу, сахар был спрятан мамой. Он предложил сестре. Та сразу взяла. Ой, как горько мне стало! Самое обидное, когда от искушения отказываешься с болью, а сопереживают-то с радостью, без всякого раскаяния! Вот этот диссонанс – боль отказа от искушения и свободное торжество греха – поражал не раз. Интересно, что Виктор даже не подумал воспользоваться своим преимуществом старшего и вкусить «запретный плод». Такой цельной натурой он и был по жизни. Аскетом не назовешь, но постоянно себя ограничивал во имя творчества.

Меня же муки выбора того или иного пути мучили довольно долго. Легче всех предавалась радостям жизни, конечно, в рамках дозволенного, сестра Майя. Вот кто умел побаловать себя: и красивой одеждой, и вкусной едой, и хорошим отдыхом.

Вот так кусок сахара может стать лакмусовой бумажкой, проявляющей коренные свойства природы!

Было у нас свое хозяйство, хорошее питание, мама пекла вкусные пироги. Но вот по части покупных сладостей... Избалованы не были. Но как-то раз в серенький денек конца лета наш стол преобразился. Множество чудесных даров кондитерской промышленности украсило его: медовые пряники в красивых коробках, вафли, печенье, конфеты, зефир. Я воспринимала все это как сказочные богатства. Красота кондитерских изделий впечатляла

даже больше, чем вкусовые ощущения: нравилось любоваться, а не пробовать.

– Почему ты не ешь, Ната?

– Потому что будет «нету».

Наконец, когда это богатство заметно подтаяло, решила показать друзьям, что у нас есть. Вынесла во двор детское одеяльце, расстелила на траве возле лавочки, на него высыпала сладости. Дети подошли, смотрели.

Пришел брат, холодно и равнодушно взглянул. И тут до меня дошла вся нелепость этой «ярмарки тщеславия», стало стыдно, неловко.

А история этого сладкого «бума» такова. После седьмого класса Виктор нанялся пасти летом телят. Заработанные деньги мама разрешила потратить как нравится. Витя и накопил гостинцев. Он всегда любил делать подарки.

Появились дома тончайшие, ажурные по краям бумажные салфеточки. Сестра, большая поклонница приличий, аккуратистка, которую за особую опрятность всегда отмечали в школе, занялась украшением стола и обучением хорошим манерам меня, вечного своего «хвостика». Мамы дома не было.

Виктор взял салфетку, развернул ее, потом взял еще несколько, сложил их уголок к уголку в стопочку. Поднес салфетки к своему крупному носу да как сморкнется! Удар был мощным. Пробыл стопочку насквозь.

Не знаю, о чем подумала сестра, но на меня напал столбняк. Во-первых, от неожиданности. Во-вторых, из-за впечатляющего результата. Тогда я поняла окончательно и бесповоротно, что мой брат особенный человек, и это наполнило меня священным трепетом по отношению к нему. Я даже начала слегка заикаться при разговоре с ним. Больше ни с кем у меня такого не было.

Вроде грубая выходка подростка. Но каким-то образом я поняла, что нельзя придавать себе веса путем обладания вещами, нельзя делать из них культ. Детям вообще свойственна такая черта, как тщеславие, и впоследствии, когда мои подружки вдруг начинали пыхиться по тому или другому поводу, меня это оставляло равнодушной, прививку от такой глупости я уже получила.

Напомню, когда происходили эти события, брату было не больше пятнадцати лет. Естественно, вскоре его манеры стали гораздо утонченнее, на этот счет он был очень щепетилен.

Еще один случай из нашей жизни в Наволоке. Деревня эта стояла на берегу чудесного озера Черемонец, источника детских радостей летом и зимой.

И вот в один из зимних дней по деревне пронесся слух, что в озере утонул подросток. Маме донесли, что говорили про «агрономшиного сы-

на», то есть про Витю. Вне себя примчалась она с работы. А я в этот день каталась с горки. Зимой темнеет рано, вернулась, когда на улице было темно, вся в снегу и наросших на шаровары катышках льда. Зашла в темный коридор, слышу, мама ругается. Из комнаты выскользнула сестра, шепнула, что сегодня всех будут пороть. Экзекуций я дома не видела, меня до той поры еще не секли, но я отлично представила, что будет больно. А замерзший зад и так щиплет... Тихонько сбросила гремящие льдом «доспехи» в коридоре, вошла. Печь топится, я открыла духовку и деловито сунула туда место, подлежащее порке, чтоб оттаяло и было не так больно. Мама не обратила на меня внимания, гневно ходила по комнате, кричала. Это были какие-то страшилки-страшальки в наш адрес, не помню подробностей. Сестра куда-то юркнула, а брат внимательно слушал, на его лице отражалась буря эмоций.

Но, видно, мама хотела убедиться, что ее слова произвели на нас должный эффект. Чтобы раз и навсегда предупредить наши попытки к непослушанию и неосторожности, она решила прибегнуть к театрализации: раз такие самовольные, то гори все огнем. Выхватила горящую головню из печи и уложила ее перед топкой. Между прочим, не кинула абы куда, а положила на железный лист. Брат быстренько подошел, взял головню и закинул ее обратно. Так же молча продолжил внимательно слушать гневные наставления. Ясно было и мне, что все эти пафосные речи останутся без последствий. Сейчас нетрудно понять, что из матери выплеснулась вся боль, беспокойство за нас. Шутка ли, сутками не видеть детей! Обо всем надумайся, душа-то болит. К тому же казался пережитый стресс из-за ложного слуха.

Мне же, крохе, сначала мамин гнев показался страшным, головня – катастрофой, концом света. А Витин смелый, решительный и хладнокровный поступок на всю жизнь обозначил грань между деструктивным и конструктивным поведением и то, что можно не терять разум при любых обстоятельствах, главное – не отчаиваться, а посылно действовать.

Порки в этот день так и не было.

Закончил Витя семилетку в Наволоке, восьмой класс в Кемпелеве, поступил в художественное училище в Ленинграде.

Люби не себя в искусстве, а искусство в себе»

Наша семья переехала из Лужинского района в Гатчинский, продав дом в Наволоке. На новом месте для жилья нам предоставили некогда добротный, но запущенный дом ингерманландца, пропавшего в войну. Крыша местами протекала, а над сараем вообще рухнула. Какое-то время мы жили, подставляя миски и тазики под струйки с потолка в дождливую погоду.

Витя учился в Ленинграде, а у нас появилось еще более обширное хозяйство. К неизменным козе, хрюшке, нескольким курам добавились целая стая гусей и сорок кур. На огороде чего только не росло! Мама-то – агроном! Конечно, львиная доля забот по содержанию этого хозяйства пришлась на сестру Майю. Она и в школе достигла наилучших успехов на пришкольном учебно-опытном участке, за что ее направили с докладом на районный слет юных опытников. А к домашним делам она стала приучать меня. Научила вязать венки, составлять букеты, делать из осенних листьев гирлянды, вытирать пыль, мести, мыть посуду. С тех пор наведение чистоты – мое хобби, а вот огородные дела – увы!

Виктор до восемнадцати лет получал пенсию за погибшего отца, стипендию, а из дома его снабжали продуктами. Через какое-то время начал подрабатывать. Без подарков не приезжал. Это благодаря Виктору у меня появились и кукла Ася, и яркий Буратино, и фильмоскоп с диафильмами, и интересные настольные игры с фишками, книжки и цветные карандаши с альбомами, пластилин. А также сандалии, резиновые сапожки, туфельки и шляпка, спортивный костюмчик, отрезки на платье, платки. Для сестры он привозил нитки мулине и канву для вышивания. Мороженое в коробке с искусственным льдом впервые я попробовала тоже благодаря брату.

Его приездов по субботам мы с собакой Нигером начинали ждать с утра, глядя на дорогу, ведущую из Ондрова, откуда с автобуса он шел пешком несколько километров. Мчались навстречу, Нигер, к моему негодованию, конечно впереди. Виктор останавливался и, выразительно поглядывая в мою сторону, ставил чемоданчик на землю, открывал... Я знала – это будет очередной пода-

рок. Хоть картонный подкалендарник – но интересный, со сказочным сюжетом. Его подарки развивали мое воображение и познания.

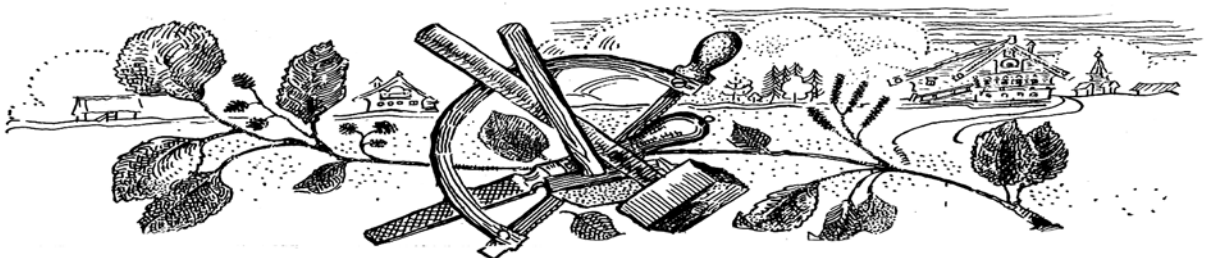
Для сестры Виктор лобзиком вырезал из фанеры узорчатую рамку под зеркало, для кота – красивый лоток, для меня нарисовал маслом две картины: это были гном с пушистой бородой среди травы и цветов и Красная Шапочка с Серым Волком. Девочка с картины очень напоминала меня, мне понравился ее наряд и красный берет с помпоном. Но когда Витя пригласил меня «на пленер», то результат произвел на меня самое удручающее впечатление. Он рисовал на открытом воздухе, а я, сидя на грядке в огороде в яркий солнечный день, была его моделью. Я-то рисовала девочек-красавиц: губки бантиком, румянец на щеках, ножки-раскорячки в туфельках с каблуками, пышные платья с буфами, воланами или складками. А тут... Некрасивое создание в каких-то пятнах на лице от шлепков и мазков кистью, да еще и щурится, все лицо вкривь. С тех пор я еще долго с подозрением относилась к профессиональному искусству: от художников все-го можно ожидать. С пристрастием изучала картины импрессионистов, с особым сочувствием портреты – жалела, конечно, изображенных.

Брат стал привозить книги и брошюры по искусству, на одной из них я по складам прочитала фразу: «Люби не себя в искусстве, а искусство в себе». Крепко задумалась. Полагаю, эта фраза «сломила» мне жизнь. Куда ушла непосредственность восприятия жизни? Я частенько принималась размышлять: правильно ли я себя веду, может, слишком в данный момент люблю себя? Это было ужасно.

Сейчас в журналах, по телевидению и радио учат: любите, любите себя всяких. Как любить, если мы росли, ограниченные множеством запретов, рамок, правил, установок?

Витя приезжал из Ленинграда и привозил праздник. Мама пекла пироги, рулеты, жарила пончики, пышки. Наваристые щи со свининой, картошка со шкварками, душистые рагу из кури с овощами, салаты... Маленькие радости.

Виктор приносил нотку духовности в этот праздник жизни: показывал сделанные в Питере наброски (в транспорте, на улицах), читал что-нибудь, чаще всего веселое, рассказывал истории из студенческой жизни. Хохот в доме стоял такой, что от сме-

ха, изнемогая, чуть не падали. Витя сам от своих шуток тоже заливисто, с удовольствием смеялся.

Вспоминая это, думаю, что искусство в себе он любил и себя в искусстве тоже. Молодец! Хорошо, что ему в детстве не попала та едкая фраза.

Приезжая домой, Виктор сажал и убирал картофель, колол дрова, топил баню, чинил забор. Зимой мама выписывала лошадь в колхозе, и они с Виктором ездили в лес пилить деревья на дрова, бревна вывозили на санях. На Новый год ставили елку до потолка.

Он купил себе этюдник, ходил по окрестностям, выбирал местечко и писал акварелью этюды. Детишки собирались со всей деревни, почитая за честь сбегать на пруд, чтобы заменить ему воду в баночке. Виктору было тогда 16-17 лет, но он умел держать себя солидно, с достоинством.

Как-то летом нанялся в плотницкую бригаду ставить в соседней деревне дом. Видно, научился многим тонкостям плотницкого дела, усвоил артельную, народную мораль, получил жизненную закалку. Это видно из того, что впоследствии в немалом количестве своих рассказов, повестей со знанием, любовью и уважением писал о тонкостях этого ремесла и его представителях. Посмотрите, к примеру, книги Виктора Пулькина «Происхождение красоты», «Кижские рассказы», «Подаренье» и другие.

Читаю в книгах брата: «Работа нема, да вежеству учит», «Мир, люди, они, если по-доброму, – помога великая, подсобят и научат». В нескольких словах – огромный смысл, опыт поколений. Виктор и в жизни, не только в творчестве, отличался большим уважением к добрым, дельным людям, ведь и сам прошел трудовую школу сызмала. Поэтому во всех его произведениях сполна этой житейской высокой мудрости.

Упрекая меня в мои юные годы в незнании жизни, снобизме, советовал: «Тебе надо в трудовой коллектив, поработать». Зная о моем желании стать журналистом, предостерегал от верхоглядства. Важничал: «Я в твои годы телят пас!» Я, конечно, тогда скептически относилась к этим словам: «Одно лето и пас, а послушать – так всю жизнь!»

Трудно в юности оценить себя так, как это может сделать взрослый человек со стороны. Нередко бывает, что ведут себя порой девичьи и юнцы оскорбительно небрежно по отношению к старшему поколению. Помню, как-то раз брат сурово обмолвился: «В плотницкой-то бригаде если будешь нором показывать, то и жердиной по хребту могут перетянуть».

Было ли с ним такое – не знаю. Мне эти слова казались грубыми, нравы – дикими. Но постепенно усвоила, что старшее поколение, даже менее

грамотное, тоже имеет свое достоинство, с которым надо считаться. Пусть эти люди и не прочитали множества книжек, но они имеют за душой то, чего нет пока у молодых: богатый трудовой и жизненный опыт.

Кажется, чего проще – понять это? Но не дается эта простая истина. В наши дни особенно, когда разрывается связь поколений, насаждаются в народе чуждые ценности, а не то, что превозносилось ранее: скромность, честность, уважительность, трудолюбие.

Во время учебы в художественном училище Виктор подрабатывал в разных местах, в том числе в театре декоратором. Однажды некий театральный мэтр обратился к нему: «За сигаретами не сходишь?» Витя обиделся и уволился. Но запомнил на всю жизнь красоту тембра и богатство модуляций голоса артиста. Он купил книги по сценической речи и стал заниматься голосом. Особенно занятия усилились с тех пор, когда некоторое время Виктор работал на местном радио в Кондопоге, встретился с приехавшим в город легендарным диктором Всесоюзного радио Юрием Левитаном. Весь мировой стихотворный фольклор был прочитан Виктором вслух и у себя дома, пока жена занималась приготовлением обеда или ужина. Вот в чем секрет его обладания таким красивым голосом, великолепной дикцией.

Подработки дали возможность ему, студенту, приодеться. И уже тогда я обратила внимание, какой у брата хороший вкус. Впоследствии и жена Виктора покупала себе одежду или обувь только при его участии, советуясь с мужем и всецело доверяя его выбору. Не забывал он и мои наряды одобрить, если что-то ему нравилось.

Виктор умел делать комплименты женщинам и охотно их дарил. Причем делал это дружелюбно, добродушно, почти по-братски, так что женщины чувствовали себя обласканными. Знаю немало примеров, приведу один, из юности. Работница кондопожской библиотеки, где Виктор был частым гостем, рассказала маме, сияя от удовольствия:

– Мария Николаевна! Ваш сын сделал мне комплимент!

– Да? Какой же?

– Он сказал: «Вы в этом красном платье, как земляничина!» Ну, не прелесть ли?

Но вернемся в деревню Савонкюля Гатчинского района, где мы жили четыре года, я с пяти до девяти лет, десять уже в Кондопоге исполнилось. Витя учился, мама по осени забивала часть кур, гусей, затаривала картошку в мешки – и в Гатчину, на рынок. Ездили туда и другие сельчане, обобщом. Это было подспорьем для безденежных кол-

хозников, ведь у всех были дети, а их надо одевать, обувать, старших учить в Питере.

Витя, вечный шутник, как-то прислал к выходным почтовую открытку, где был такой текст: «Точите ножи, приеду, буду резать». И подписался: «Яша». Так он тогда себя называл. Пририсовал носатую и кровожадную физиономию.

Речь шла, конечно же, о курах и гусях.

Огромные гусиные и куриные яйца брат на Пасху великолепно расписывал. Это были чудесные деревенские пейзажи, сказочные сюжеты. Ходили по деревне, кокались яйцами – кто больше чужих разобьет, разбитые яйца забирали себе.

Как-то брат приехал с товарищем по художественному училищу Степанищевым – тоже Виктором, обаятельным, милым парнишкой, как сейчас бы сказали, очень позитивным, светлым человеком.

Дело было весной, оттаяли пригорки, оба Вити, Майя и я пошли погулять. Витя Степанищев стал изображать моего кавалера: присел и так, на корточках, шел рядом со мной, чтоб быть одного роста: то он со стороны моего сердца, то чтобы я находилась со стороны его сердца. Было смешно и забавно, но приятно.

Степанищева брат в более зрелом возрасте пытался отыскать, но следы его затерялись, по слухам, где-то в Самарканде. Брат одно время даже собирался туда, шутливо заявляя: «Поеду в Самарканд на корабле», наверное, имея в виду корабль пустыни верблюда.

Любитель экзотики, ярких самобытных культур, он уже в зрелом возрасте посетил Индию, Цейлон, Вьетнам, хорошо изучил их искусство, разбирался в декоративно-прикладном искусстве Китая, Японии и других стран. Покажи ему декоративную вещь – и он назовет страну, даже конкретную местность, где это изготовлено, а то и мастеров, стиль, век.

...Оперился наш чудо-мальчик и вылетел из гнезда. После училища Виктор поехал в Кондопогу, где тогда начиналась комсомольско-молодежная стройка. В Кондопоге несколько лет до войны жила наша мама. Вслед за ним, окончив восьмилетку, уехала сестра. Больше классов в нашей школе не было, да и ходить в школу приходилось несколько километров, пугаясь по утрам, когда темно, каждого куста.

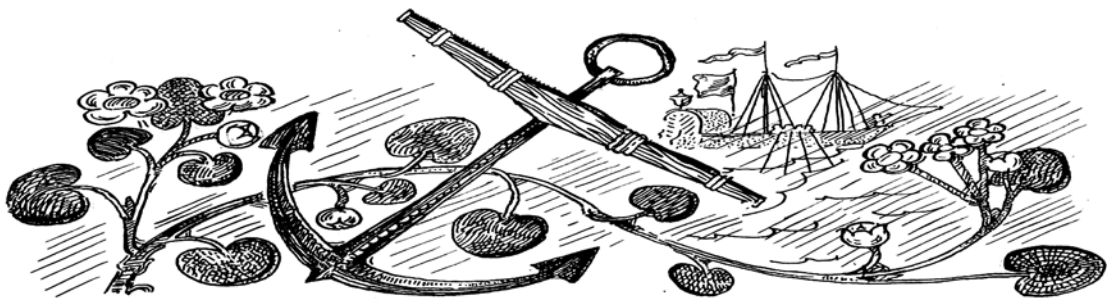
Вскоре мама объявила мне, что мы тоже едем в Кондопогу. Я не могла поверить своему счастью: я буду учиться в городе!

Распродали хозяйство, погрузили вещи в контейнер – и вперед. Отвезти вещи помог нам мамин племянник Володя Корнеев из Жабина. Жабино, родовое мамино село, находилось от Савонкюля километрах в десяти-пятнадцати. Мы с братом туда как-то ездили на лошади. Наши бабушка с дедушкой жили в Жабине в юности, потом уехали в Питер. Бабушка, Анастасия Алексеевна, работала ассистентом зубопротезиста, дедушка, Николай Корнеевич Корнеев – вагоновожатым, старшая их дочь Ксения училась в гимназии. Но началась империалистическая война, в деревне с детьми было легче прокормиться, и бабушка уехала в Жабино, работала там в больнице. А дед отвоевал, сколько положено, и тоже вернулся в родную деревню. Страстный лошадажник, он держал нескольких лошадей. Бабуля знала французский и латынь, любила литературу и историю, так как воспитывалась почему-то в поместье с барскими детьми. Она хорошо рисовала; судя по рассказам нашей мамы, была остроумной собеседницей, интересной рассказчицей. Кстати, эти особенности характерны для большинства представителей нашего рода по маме. А вот музыкально одаренных людей значительно меньше. Но, может, еще будут!

Жизнь начинается заново

В Карелию мы ехали с отличным настроением: мама – к своим двоим детям, к старым друзьям, к памятным еще с молодых лет местам, ведь после окончания Жиздренского сельскохозяйственного техникума она работала в Кондопожском районе. Была агрономом, начальником опытно-семенной станции в Кондопоге.

А меня прельщали новые места, ожидание красот природы, к которым я была очень равнодушна, богатство впечатлений. Ибо крохотная ингерманландская деревушка Савонкюля проигрывала в живописности даже Наволоку Лужского района: ни рек, ни озер, ни радующих глаз домов и приусадебных участков, да и с общением скудноватого.

Утречком в Кондопоге являемся с поезда к Виктору в общежитие, а он в комнате не один. Беседует с молодой дамой, у той – микрофон в руках.

– Наталья Ларцева, журналист республиканского радио, делаю о Викторе очерк, – представилась она.

Знакомство, расспросы. Итогом этой встречи стала брошюра Натальи Ларцевой «Счастье трудных дорог» с очерком о нашей маме, Марии Николаевне Корнеевой, приехавшей на работу в Лижму Кондопожского района и нашедшей здесь свою судьбу в лице Ивана Яковлевича Пулькина, местного комсомольского активиста. Очерк передал ощущение романтики тех лет, строительства новой жизни 30-х годов XX века.

А мне хочется поведать о семейной истории, ибо только тут, в Кондопоге, я впервые о ней узнала.

Я никогда не задумывалась о том, где наш отец. В Карелии мне стало известно, что первый муж матери, И. Я. Пулькин, отец Виктора, погиб на войне. С ним было связано все лучшее, что было в маминной жизни: первая любовь, счастье удачно складывающейся семьи.

Мамины черные кудри и брови, синие глаза, губки «бантиком», задорный нрав знающей себе цену «питерки», как ее здесь называли, покорили сердце холостяка, отвергавшего прелести холодноватых северных красавиц. Получил немало пощечин, пока окончательно не покорило сердце гордячки белозубой улыбкой и блеском голубых глаз, серьезным характером. Настойчивость Ивана в уходе за строптивой агрономшей привела к свадьбе.

Иван Яковлевич окончил Комвуз, вырос до советского и партийного работника. Родилась дочь Валечка, а через год в селе Спасская Губа (ныне оно входит в состав Кондопожского района, а тогда было райцентром) 27 мая 1941 года – сын Виктор, весь в папу: в светлых кудрях, которые со временем стали «мамиными», черными.

Это была очень счастливая, красивая, удачливая семья, впереди ее, несомненно, ожидала не менее счастливая старость в окружении многочисленного потомства. Дети рождались один за другим, и останавливаться на этом родители не собирались. Молока у молодой мамы хватало на своих двоих и на других новорожденных детишек, мам которых природа не так щедро одарила.

Но... через месяц после рождения второго ребенка началась война. Ивана Яковлевича сразу же призвали на фронт. А еще через месяц его не стало. Был тяжело ранен в боях под Мянсельгой, недалеко от Кондопоги. В березовом леске остался умирать ввиду стремительно наступавших врагов. Об этом молодой вдове рассказал человек, оставивший однополчанина

одного. Мама до самой своей смерти не могла ему этого простить.

Помню одну встречу, мне было лет четырнадцать. Поднимаемся по лестнице к знакомой. Навстречу спускается невысокий пожилой человек.

– Смотри, Ната, этот человек оставил моего Ивана Яковлевича умирать, – изменившимся голосом громко сказала мама.

Я конфузливо отвернулась.

– Смотри, говорю! – гневно приказала мама.

Я оглянулась – никого. Бегом помчалась вниз, приказано же смотреть, но человека как ветром сдуло.

Мама, пока ноги носили, ходила в тот березовый лесок, где погиб ее муж, грибы собирать и весь остаток жизни провела в Кондопоге. Не столько грибы ищет, бывало, сколько полуметровые деревянные столбики, под которыми, по ее словам, были похоронены погибшие в войну солдаты. «Может, под одним из них и мой Иван Яковлевич лежит», – грустно говорила она. Сядет возле одного из таких столбиков, задумается. Я тогда не понимала, как можно жить прошлым, какую силу оно может иметь над человеком.

Очень любила мама и дорогу от станции Кедрозеро Октябрьской железной дороги, мимо которой из Петрозаводска до Медвежьегорска и обратно по сей день ходит пригородный поезд. Со станции Кедрозеро до деревни Лижма, где и донныне стоят дома пулькинской родни, идешь каменистой тропкой через темный еловый лес, в начале лета украшенный белыми ландышами, словно маленькими светильниками. Раздается звонкое «ку-ку» в первозданной тишине. Тропка выводит на грунтовую дорогу. Километр пути – и вот уже виднеется спуск вниз, через бревенчатый мост над бурной в этом месте речкой Лижемкой, впадающей сразу за мостом в Лижемскую губу Онежского озера. В речке всегда нерестился лосось, а сейчас разводят форель. Вдоль обоих берегов губы – каменные «бараньи лбы», а сама деревня Лижма уютно примостилась в низине. Жила здесь еще и после войны маленькая, добрая Ольга Савельевна, мама Ивана Яковлевича, дожила до начала XXI века, будучи 90 лет от роду. Очень любила мама свою свекровь, застал бабушку живой и Витя, проводивший здесь каникулы до девяти лет, до отъезда в Ленинградскую область. Еще в детстве он нарисовал подробную карту родного уголка, обозначив все приметы ландшафта и даже рыбные места.

Свою жизнь в Лижме и бабушку Ольгу Савельевну Виктор описал в повести «Граненая игла», вошедшей в книгу «Это наша с тобою земля».

Здесь же в Лижме жила и двоюродная тетя Вик-

тора Настя, народившая после войны четырех богатырей сыновей, все Пулькины, каждый из них «выпустил по обойме» уже своих сыновей-внуков. В основном мальчики у Пулькиных рождаются. У Виктора, кстати, тоже двое сыновей: ученый-историк Максим и руководитель Спасогубского лесхоза Артем. Виктор иногда грустил, что нет у него дочки, ссылаясь на то, что мальчишкам нужно «облагораживающее женское влияние». Хочется надеяться, что такое влияние оказали на него в детстве и юности мы с сестрой.

Бабушка Виктора, Ольга Савельевна, слыла мастерицей по шитью, умела хорошо сказки рассказывать, была приятной, обходительной в быту женщиной.

Жили здесь, в Заонежье, выходцы из новгородских земель, сохранившие в речи старые лексические образы, они говорили «выпаши» – значит «вымети» (сравните: опахало, выпахивать – значит обмахивать, в данном случае веником). «Мост» – пол. То есть собранный из мелких досочек настил. Чувствовалось и влияние окружающей карельской речи и в ударении всегда на первый слог («у'тонешь – так до'мой не' приходи»), и в лексике: «варандает», «либандает» и т.п.

Народ жил культурный: часто ездили и с товаром, и на работу в Питер, поэтому любили и приодеться модно, и быт устроить с новизной, шли в ногу со временем.

Развито было рыболовство, рыбацкие соймы, возозили в Петрозаводск на продажу ряпушку и другую рыбу.

В старину у речки Лижемки стоял лесопильный завод. Целая гора опилок закрывала природную гору и верхушки деревьев на ней еще полвека назад. Гора опилок темнела, преля, горела, постепенно «таяла». Возможно, начало производству положил прадед Пулькиных, пленный швед Пульман. Предание о нем как о специалисте по деревообработке сохранилось в родне, позже Виктор нашел упоминание о Пульмане в архиве.

С большой любовью и уважением описывала наша мама лижемцев с их историями, характере-

ром. И это ее особое отношение передавалось нам. Конечно, Виктор гораздо больше в детстве получил впечатлений о Карелии, поэтому очень полюбил ее. Я же еще долго тосковала по землякам из Ленинградской области, где прошло детство, хотя родилась, как сестра и брат, в Карелии. Мама же всегда говорила, что с приездом в Карелию у нее жизнь начиналась словно заново. Здесь она чувствовала себя на своем месте!

Цельная натура, она так и не смогла принять всей душой своего второго мужа, нашего с Майей отца, красавца, кадрового офицера, в годы войны служившего в организации СМЕРШ, что расшифровывается как «смерть шпионам», Петра Кадышева. Да, тот был не без греха, оставшиеся после войны мужчины были особенно далеки от праведности. Петр Тимофеевич и выпить был не дурак, и по части женского пола было с кем разгуляться, поредевший мужской род был в цене. Короче, мама за все провинности (не сам на грех шел, женщины соврашали) изгнала его, не отвечала на письма, сменила место жительства.

Сравнение своих мужей мать завершала всегда не в пользу Петьки, как она его звала. Даже поросят какое-то время называла его именем. Но П.Т.Кадышев, успешный офицер-разведчик, и после войны успешно выполнял «боевые задания», но уже в странах соцлагеря, откуда привозил подарки детям. Я еще донашивала Майины «импортные» платья, белое шерстяное пальтишко с зеленой отделкой-кантом.

Виктор об отчине отзывался положительно (Валечки уже не было, умерла в эвакуации от простуды). Они крепко подружились. Витя года в три и курить собрался по примеру отчима, пригласил: «Садись на ааданчик, укулим (садись на чемоданчик, покурим)».

Петр Тимофеевич на эти слова взял как-то раз пачку папирос, положил повыше, на печную трубу, и сказал то, что запомнилось мальчику на всю жизнь:

– Вот когда сам сможешь отсюда доставать курево, тогда и кури!

Надо сказать, что столь же неудачной была вторая попытка Виктора подружиться с этим зельем, когда он уже был отцом двоих детей. Он пробовал маскироваться. Но не тот человек, не его это амплуа. Вот как все происходило.

Пришла в гости. Племянники сразу ко мне: играем, разговариваем, читаем. Родителям отдых. Витя вышел из своего кабинета и непривычно молча быстро прошел в прихожую. Надолго пропал. Слышу, Нила на кухне тихо, но внятно произносит:

– Что ж, останусь вдовой. Дети сироты будут.

Тишина.

Смотрю, Максиму явно не по себе. Хмурится, косится в сторону прихожей. Понимаю, что над Виктором сгущаются тучи, но не понимаю, в чем дело.

– Максим, где папа?

– В туалете.

– Что он там делает так долго?

– Стыдно сказать, – скороговоркой пробормотал малыш. Ему было лет шесть.

– Скажи, пожалуйста, – чувствуя неловкость, тем не менее допытывалась я, удивленная непонятной и непривычной атмосферой в доме.

– Курит! – сказал Максим.

Да... ситуация трагикомическая. Конечно, как и следовало ожидать, этот неожиданный порыв Виктора самоутвердиться был «задушен на корню». Да, скорее, порыв не был серьезным.

Сыновья его, кстати, никогда не курили. И с зеленым змием проблем ни у кого никогда в нашей семье не было.

Именно в Карелии «вскрылись» все эти семейные истории, которые не являлись тайнами, но в силу моего раннего возраста были пока мне не ведомы, да и воспоминания маму обступили и стали «реальностью» именно по приезду в край, где все это происходило. Впоследствии мама, когда дети разъехались, двухкомнатную квартиру обменяла на однокомнатную, поселившись в том месте, где жила до войны – возле Дома культуры. Однажды вечером мимо него они с Иваном Яковлевичем возвращались домой. К ней стал «клеиться» незнакомец, и Пулькин задал ему такую трепку, что, наверное, надолго отбил охоту приставать к замужним дамам.

Эти воспоминания, должно быть, очень скрасили старость моей мамы. Несмотря на то что она очень болела (артрит, сердце, давление), выглядела в остаток жизни всегда счастливой и довольной.

Впрочем, чистая совесть – тоже повод для оптимизма. У нашей мамы, М. Н. Корнеевой, был очень строгий и взыскательный характер. Она никогда не шла на нравственный компромисс с «несуна-

ми», любителями поживиться за счет государства. Поэтому всегда отказывалась от некоторых предложений по работе, которые позволили бы обогатиться и ей, и другим, – от нее зависело. Не нажила богатства, главным богатством почитала честную жизнь. Хорошо, что она не дождала до разрывания страны...

Мама была начитанным человеком, замечательной рассказчицей. В доме мы не слышали сплетен. В людях видела в первую очередь хорошее, но и дурное не укрывалось от ее глаз. Она увлеклась политикой, всегда была активисткой в партийных рядах. Гордилась своим сыном, который уверенно шел по избранной стезе писателя. Виктор в детстве принес ей немало хлопот и страданий, поскольку лет в шесть случайно сломал ножку, поскользнувшись после дождя на камне. Нога распухла, врачей рядом не было, мама по незнанию ее напарила. Началось нагноение. Последовали операции под наркозом, выскабливание, все это отняло у мамы и сына годы жизни, лечили самодельной мазью – молотый стрептоцид, смешанный с маслом. Поэтому впоследствии мать с особым трепетом относилась к сыну. Тем более, он был похож на отца. Виктор это чувствовал и старался соответствовать ее чаяниям. Может, это и является рецептом воспитания хорошего сына? Надо только любить и уважать его.

Виктора всегда отличало целомудренное отношение к женщинам, преданность жене, семье, отвращение к блуду, нечестности. Думаю, немалую роль в этом сыграло уважение к матери.

Восхождение на творческий Олимп

В Кондопоге Виктор устроился работать в столярную мастерскую, его избрали в штаб «Комсомольского прожектора» комсомольско-молодежной стройки. В листках «КП» он рисовал карикатуры, писал заметки, вскрывая недостатки, отмечая успехи. В штабе познакомился с Жоржем Журибедой, с которым вместе они выпустили в 1964 году брошюру «В лучах прожектора» – с фотографиями «прожектористов» за работой. Ему было 23 года. Работа «КП» на разных производственных объектах города (проверка сохранности материалов, соблюдения экологических норм, условий труда, быта молодежи, отношения к труду и т.п.) освещена в книжке всесторонне. Публиковал Виктор заметки и в районной газете «Новая Кондопога», при которой было образовано литературное объединение. Из его «стен» вышли в большую литературу не только Виктор, но и поэт Виктор Сергин, писатель Борис

Кравченко, сценарист Жорж Журибеда. Печатались в коллективных сборниках, в периодической печати Александр Бабкин, Сергей Орехов, Анатолий Солохотдинов, Александр Лаптев, Генрих Андрюковский, Николай Кошкарев, Валерий Князев, Валфрид Тихомиров и другие. Ходила некоторое время в это литобъединение и я. Мы выступали на телевидении, перед разными аудиториями, разбирали произведения друг друга.

В Кондопоге летом проходили Дни поэзии, приезжали поэты из Москвы, Ленинграда, Петрозаводска, с Кавказа. Проводили творческие вечера маститые поэты. Марат Тарасов, родом из Кондопоги, приводил товарищей по поэтическому цеху, Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко.

Виктор окончил в Кондопоге вечернюю школу, поступил в Петрозаводский университет. Работал учителем рисования в школе, на местном радио.

Когда мне было лет десять-одиннадцать, он научил меня отпаривать брюки. Мне очень понравилось это занятие, так что учительствовал брат всегда в опрятном виде.

Много «проблем» ему доставляли мои манеры, за которыми он бдительно следил: нельзя было «гримасничать», подпирать голову руками, прислоняться к стене, ставить локти на стол...

Как-то раз к нам зашел приехавший в Кондопогу из Москвы художник Борис Неменский. Мы тогда еще жили в общежитии. Они стоят, разговаривают, я, естественно, рядом, чуть не между ними затесалась, интересно же. Как назло, у меня в то время была ослаблена круглая резинка на чулках, и я их то и дело деловито подтягивала повыше. Только я это собралась проделать при Неменском, как Виктор с напряженным лицом, незаметно, как ему казалось, сделал мне рукой знак оставить это дело.

Неменский выразительно на него посмотрел, засмеялся, Виктор тоже. Было ему лет двадцать тогда.

Но и я, между прочим, тоже какое-то влияние на него пыталась оказывать. Правда, безрезультатно, по большей части. У него в комнате всегда был «творческий беспорядок», нарушать который мне было категорически запрещено. То есть, убирая квартиру, я ничего не трогала, все оставалось на своих «местах»: книги, тетради, блокноты, альбо-

мы, карандаши и ручки, баночки с тушью и гуашью, краски, глиняные слепки, чучела, засохшие ветки рябины и еще много всякой всячины.

Однажды, когда мне было лет тринадцать, Виктор предупредил, что к нам приедет Дмитрий Балашов. Это сейчас он известен как автор исторических романов, а тогда о нем мало кто слышал, я тем более. Но очень озаботилась: гость все-таки, и решила навести у Вити порядок.

Когда явился Балашов: в белой косоворотке с вышитым красным воротом и пояском-тесемкой, в кирзовых сапогах, с заправленными в них брюками «фонариком» (а дело было в начале 60-х, тогда таких вольностей в нарядах не было, как сейчас), я дошла только до середины комнаты в своих раскопках. Виктора дома не было, пользуясь этим, решила довести дело до победного конца. Балашов уселся на стуле, ровно посередине продолговатой, как пенал, комнаты, стал задавать мне вопросы и следить за моими действиями в правой стороне «пенала». Я рассердилась: мог бы и в другой комнате посидеть – и перешла в левую сторону. Он развернулся в мою сторону. Я снова резко перешла направо. Он, всем туловищем, тоже. Наверное, развлекался, заметив смущение девчонки. В конце концов ему надоело поворачиваться, он так и остался: лицом к окну, мирно беседуя со мной, копашейся в противоположной стороне.

Пришел Виктор, я удалилась в соседнюю комнату. Они о чем-то пошептались, хихикая. Потом я услышала:

– Сестра у тебя настоящая русская красавица растет!

– Курноса только, – сурово молвил брат.

– Нет, нос у нее как раз наоборот, покля'паль, – серьезно поправил Балашов.

Виктор промолчал.

Ну, а меня в тот момент больше радовало и волновало не то, что мой нос обсуждают в деталях два известных в будущем писателя, а то, что взбучки за уборку избежала.

Вот в такой напряженной атмосфере мы с братом выросли. Это была «война», направленная на совершенствование друг друга: с моей стороны тихая, вдумчивая, с его стороны редкая, но бурная.

– Виктор, принеси дров для титана, – просит, бывало, мама.

– Пусть Ната ходит, мне же некогда!

– У меня спина болит, – шепчу я, негодуя, что брат отлынивает от физического труда.

– У ребенка радикулит, а он не может дров принести, – притворно возмущается мама.

Но больше всего я мечтала привить брату аккуратность. На какие только ухищрения не шла! Чем известней он становился, тем больше волновал меня вопрос об упущении в его воспитании.

Помню, как я переполошилась, когда Виктор собрался в путешествие по «Золотому кольцу»: осматривать и зарисовывать достопримечательности. Как только я узнала его адрес (остановился в одной деревушке под Ярославлем – на эту ды), тотчас настроила ему письмо, умоляя быть аккуратней. «Тогда люди будут к тебе хорошо относиться, когда увидят твою чистоплотность», – помню эту фразу. Вот ведь приспичило бороться за аккуратность!

Я-то рано поняла, что чаще всего мужиков не переделает, хотя у каждого свой пунктик. Но не всем повезло экспериментировать на своем брате. И дурость – перевоспитывать мужчин – свойственна многим представительницам женского пола.

По счастью, жена Виктору попалась не такая. Нила его не допекала: в своей комнате у него, как всегда, все было «на своих местах», хотя порядком это трудно было назвать. Ну и что? Зато Виктор не уставал хвалить свою жену, а она окружила его лаской и заботой. Редко встретишь такое согласие на протяжении десятков лет.

Но... в те далекие юные годы Виктор тоже не оставлял без внимания мои промахи и недостатки. Его строгость по отношению ко мне очень меня удручала.

Летом после седьмого класса я приехала погостить к нему в Кижы. Виктор работал научным сотрудником музея и поручил своей невесте, Ниле, повезшей в Кондопогу для осмотра Успенской церкви своего профессора В. Я. Троппа, захватить на обратном пути меня. Как же я была удивлена, когда увидела среди вещей брата белые батистовые платочки, раскрытые и обшитые мною. Он, уехав из дома, взял их на память и хранил. Это меня очень тронуло. Я смотрела на эти коряво подрубленные платочки и кое-что поняла.

Виктору было двадцать четыре года, когда в его жизни появилась хрупкая большеглазая аспирантка Нила Криничная, выпускница Ленинградского университета.

Влюбленный брат был особенно вдохновенным, когда проводил экскурсии по острову. Це-

лыми теплоходами приезжали его слушать, он стал известен. Лекцию по деревянному зодчеству Карелии для знаменитого американского художника Рокуэлла Кента, посетившего Кижы, доверили читать именно Виктору.

Не знаю, как они до меня питались на острове: магазина-то не было! Зато молока – вволю. Я рвала щавель, варила щи на молоке для сытости. Собирала землянику – ели с молоком. Ловила рыбу – сама и жарила.

Узнала про плавучий ресторан, сходила – там ничего нет. Выпросила буханку черствого белого хлеба, на которую влюбленная парочка посмотрела удивленно, как на что-то давно забытое.

Зато после моего похода в ресторан очень симпатичный, но старый, на мой взгляд, шеф-повар стал прогуливаться вечером мимо корпуса с сотрудниками. Заметил меня и начал нюхать букетик незабудок (без запаха они, между прочим, я проверяла). Нежным голосом спросил:

– Ты вышла, потому что меня увидела?

Но я-то больше мечтала еще хотя бы об одной буханке! После его слов начала избегать нежного повара.

Тесное общение с людьми, увлеченными фольклором, настолько меня заразило, что по окончании восьмого класса я планировала совершить экспедицию на плоту вдоль берега Онежского озера, начиная с Кондопожской губы, высаживаясь в прибрежных деревушках и собирая там фольклор. Нарисовала что-то типа комиксов про путешествие, пытаюсь увлечь с собой одноклассницу, серьезную отличницу Веру Логинову.

– Насобираем фольклора, к шестнадцати годам издадим книгу про свое путешествие, с собранным материалом. Нас обязательно напечатают, ведь в шестнадцать лет никто таких книг не издавал, – убеждала я ее.

Подумав, Вера ответила отказом, мотивируя это тем, что не хочет убивать свою маму. Так что проект был сорван.

Осенью Виктор и Нила сыграли свадьбу в Кондопоге. Жили в Петрозаводске сначала на съемной квартире, у некоего Суло Матвеевича, а потом получили комнату с большой кухней на улице Лыжной, в деревянном доме. Витя расписал ее, как шкатулку. Ледяные длинные общие коридоры зимой Виктор мыл сам: жена была беременна. А через несколько лет семья, уже с двумя сыновьями, получила хорошую трехкомнатную квартиру. Неонила Артемовна, защитив кандидатскую диссертацию по фольклору, работала в Карельском филиале Академии наук, Виктор много писал. Вместе они ездили в фольклорные и этнографические экспедиции. Собирали

материалы для научных статей, для рассказов. Виктор очень много работал и дома, и в Публичной библиотеке с научной литературой по истории края. Он выбрал свой стиль, воссоздавая устную речь рассказчиков историй, дополняя и обогащая ее научно-выверенной архаичной лексикой, характерной для данной местности, авторской метафоричностью и стилизацией. Его стиль сродни сказовой манере Павла Бажова, Дмитрия Писахова, Бориса Шергина, только с поправкой, конечно, на местный языковой колорит. Книги его полны этнографических подробностей, это ценнейший материал для краеведов и лингвистов, фольклористов.

В 1973 году Виктор выпустил в издательстве «Советский писатель» в Москве сборник «Кижские рассказы», а потом его книги стали выходить в Карелии с завидной регулярностью. Вот эти сборники:

«Вепсские напевы», Петрозаводск, 1973

«Происхождение красоты», Петрозаводск, 1979, в

этом же году был издан сборник «Красный остров» «Подаренье», Петрозаводск, 1984

«Перун-трава», Петрозаводск, 1985

«Это наша с тобою земля», Петрозаводск, 1987

«Медный вершник», Петрозаводск, 1988

«Чаша мастера», Петрозаводск, 1990

«Царские персты», Петрозаводск, 2002

«Кленовое кантеле», Петрозаводск, 2008

Любимые герои брата – мастеровитые, наделенные всеми лучшими качествами люди.

Виктор активно печатался в журналах «Карелия», «Север», «Нева», «Аврора», «Вокруг света», «Наука и религия», «Слово», «Русское слово», в различных сборниках и альманахах, в республиканских газетах «Комсомолец», «Северный курьер» («Курьер Карелии»), «Карелия».

Большие циклы передач о народном творчестве

нашей республики были подготовлены им для карельского радио и телевидения. Выпускал он и православный журнал «Журавка». Часто выступал перед различными аудиториями.

В последние годы, в связи с выходом в свет научных монографий Н. А. Криничной, Виктор Пулькин активно занимался иллюстраторской деятельностью, графически воссоздавая предметы быта русской старины на страницах книг своей жены. Кстати, некоторые из своих книг Виктор тоже проиллюстрировал сам.

Болезни, одна за другой, долго подтачивали здоровье моего брата. Высокое давление, инсульт вскоре после смерти мамы (да еще эта грязная перестройка, убившая не одну жизнь). Лечил инсульт – посадил почки. Лечил почки – во время проведения диализа занесли инфекцию, микробы съели клапан его сердца. Операции на сердце он не дождался.

Думаю, не добавили ему здоровья ни военное детство, ни перенесенные наркозы, операции, болевшая всю жизнь нога.

Угасая, Виктор не терял присутствия духа, никогда не жаловался, ободрял жену. Работал чуть не до последнего дня, создавая книгу «Кленовое кантеле», вышедшую уже без него.

10 июня 2008 года Виктора Пулькина не стало. Но он продолжает жить в книгах: прозе, графике. В сердцах тех, кто его знал, читал, кто слышал его великолепный распевный баритон, видел его благородный облик.

*При оформлении материала
использованы рисунки
Виктора Пулькина*

Наталья Петровна ФИЛАТОВА

окончила филологический факультет

Петрозаводского государственного университета.

Работала и публиковалась в газетах и журналах Карелии.

В настоящий момент проживает и работает в Италии.

